
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 343.914

ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ ЛИ РАВЕНСТВО ПРАВ СТОРОН В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

Акутаев Р.М., Конституционный Суд Республики Дагестан, Махачкала, Российская Федерация, *akutaevrm@mail.ru*

Гаджимагомедова С.О., Адвокатская палата Республики Дагестан, Махачкала, Российская Федерация, *palata@advokatrd.ru*

С позиций необходимости обеспечения принципов состязательности и равенства прав сторон при осуществлении предварительного расследования и отправлении уголовного судопроизводства рассматривается реальное положение дел в этой области в Российской Федерации.

Ключевые слова: принцип состязательности, равенство прав сторон, права защиты, права обвинения.

DOI: 10.21779/2224-0241-2017-24-4-141-146

UDC 343.914

PLEASE INDICATE WHETHER EQUALITY OF THE SIDES IN THE COURSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION?

Akutaev R.M., Constitutional Court of the Republic Of Dagestan, Makhachkala, Russian Federation, *akutaevrm@mail.ru*

Gadzhimagomedova S.O., Lawyer chamber of Republic Dagestan, Makhachkala, Russian Federation, *palata@advokatrd.ru*

From the standpoint of safeguarding the principles of competition and equality of the rights of the parties during the preliminary investigation and the administration of criminal justice is considered the real situation in this area in Russian Federation.

Key words: adversarial principle, the equality of rights of parties, rights protection, rights of the prosecution.

DOI: 10.21779/2224-0241-2017-24-4-141-146

В Конституции Российской Федерации (статья 123, часть 3) судопроизводство в Российской Федерации определено как состязательное и осуществляющееся на основе равенства прав сторон. Данное конституционное положение нашло свое закрепление и дальнейшее развитие в статьях 15 и 244 УПК РФ. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации приведенное положение Конституции Российской Федерации предполагает предоставление сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов [1].

Более того, принцип состязательности уголовного судопроизводства означает, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга, и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. При этом в ч. 3 ст. 15 УПК РФ четко прописано, что суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты.

Таким образом, законодатель с предельной ясностью определил правовой статус каждой из сторон в уголовном процессе, их процессуальные права и обязанности.

По определению авторов комментариев к УПК РФ, состязательность сторон представляет собой «такое построение процесса, при котором уголовно-процессуальная функция разрешения дела отделена от функций обвинения и защиты. Две последние функции, в свою очередь, возлагаются на различных участников уголовного процесса» [2, с. 59]. Это означает, что участники уголовного процесса, каждый из которых наделен определенными правами, выполняют конкретные задачи в уголовном процессе в соответствии со своим функциональным предназначением, предусмотренным уголовным законодательством. За исключением тех ситуаций, когда речь идет о примирении сторон, функции сторон обвинения и защиты кардинально противоположны, взаимно исключают друг друга, вызывают взаимные претензии и, даже, порой порождают неразрешимые разногласия. В силу этого законодатель определил функции суда в

создании необходимых условий для выполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления, предоставленных им прав. Сам же суд в идеале должен занимать позицию независимого арбитра. При этом суд должен помнить о назначении уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 6 УПК РФ), согласно которому «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

В юридической литературе состязательность определена как важный принцип демократического общества. Мы солидарны со специалистами в том, что «правосудие является состязательным, когда стороны (участники) судебного дела могут активно и на равных спорить, доказывать свою правоту, собирать и представлять доказательства, связанные с рассматриваемым делом, свободно излагать свои доводы, давать свое толкование фактов и событий, доказательств, законов и иных нормативных правовых актов, и тем самым, помогать поиску истины, справедливости, обеспечению законности и обоснованности акта правосудия» [3, с. 6–7].

Суть состязательного процесса, по мнению Т.Г. Морщаковой, состоит в разделении функций обвинения, защиты и разрешения дела [4, с. 17].

А.В. Смирнов называет три признака, достаточных для состязательности – наличие противоборствующих сторон, их процессуальное равенство и независимость отделенного от сторон суда [5, с. 19].

Профессор Н.В. Радутная более категорична в своих суждениях. «Одной из основных идей, заложенной в концепции судебной реформы, – утверждает она, – является освобождение суда от выполнения обвинительной функции, на что был ориентирован УПК РСФСР. Что же можно наблюдать в этом аспекте в законотворческом и правоприменительном направлениях деятельности? Суд превращен в субъекта собирания доказательств (в том числе и обвинительного свойства – ст. 86 УПК РФ), что полностью отрицает состязательную форму процесса, предполагающую функциональное разрешение труда его участников» [6, с. 54].

«Правосудие в российских судах функционирует таким образом, что вероятность быть оправданным настолько мала, что можно говорить о том, что виновность человека определяется почти с 100-процентной вероятностью на более ранних этапах уголовного преследования», – отмечают эксперты Института проблем правоприменения, действующего при Европейском университете в Санкт-Петербурге [7].

В интервью журналу «Южно-российский адвокат» Оливер Кук, федеральный судья одного из штатов США, сообщил интересные подробности американского судопроизводства. На вопрос Леонида Гельфонда, ознакомливается ли судья с материалами уголовного дела до его рассмотрения, он ответил, что содержания уголовного дела до начала его рассмотрения он не знает, и если будет знать заранее, то ему

судить будет труднее. «У Вас, как мне известно, судья заранее изучает обвинительные материалы следствия. Мне это непонятно. Как же тогда судить? И можно ли такой процесс назвать состязательным? В ходе процесса я не вмешиваюсь, а только слежу, чтобы не нарушались процессуальные нормы «установленные правила игры» сторонами и другими участниками процесса»* [8, с. 19].

Проведенный краткий обзор мнений об особенностях российского уголовного судопроизводства свидетельствует о все еще не изжившем себя его обвинительном уклоне, в основе чего, на наш взгляд, лежит правовое неравенство сторон в уголовном процессе.

Завершая обзорную часть исследования, хотелось бы привести высказывание профессора А.Д. Бойкова, с которым следует согласиться в том, что «какими бы ни были формы устройства суда, они не должны заслонять от нас таких важных гарантий правосудия и справедливости, как совесть судьи, его профессионализм, сознание реальной индивидуальной ответственности за принимаемые решения» [9, с. 67].

Учитывая, что все аспекты темы состязательности уголовного судопроизводства и равноправия сторон обвинения и защиты не могут быть охвачены настоящим исследованием, мы ограничимся обсуждением некоторых основополагающих статей УПК РФ в этой части, высказав свое мнение по поводу их совершенствования.

Какими бы прогрессивно-перспективными не были положения ст. 6 и 15 УПК РФ суть деятельности защиты и обвинения определяется их правами и обязанностями, очерченными нормами уголовно-процессуального законодательства.

Согласимся с тем, что совокупность собранных по делу доказательств в уголовном процессе – это единственный и бесспорный аргумент, на котором может быть основано обвинение или оправдание лица, привлекаемого к уголовной ответственности. При этом доказательства и их собирание должны соответствовать требованиям норм уголовно-процессуального кодекса, ибо в силу ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные в нарушение требований УПК РФ, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

А.А. Васяев справедливо полагает, что «под нарушениями уголовно-процессуального закона понимаются отступления государственных органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, а также других субъектов процесса и лиц, не являющихся субъектами уголовно-процессуальной деятельности, от предписаний (требований) уголовно-процессуальных норм. Как результат, недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также ис-

* Справедливости ради следует отметить, что на специфические особенности американского судопроизводства значительное влияние оказывает и отличие от принятого у нас порядка досудебного производства по уголовному делу.

пользоваться для доказывания любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания» [10, с. 74].

Доказывание – специфический и единственный способ познания обстоятельств совершенного преступления. При этом надо иметь в виду, что любое иное познание и даже очевидно совершенное преступление, не облеченное в форму процессуальных норм, не может быть положено в основу обвинения. В этом смысле еще раз подтверждает свою неизбежность и значение тезис о том, что уголовный процесс выступает формой бытия норм уголовного права. По сути, без процессуальной формы материально-правовые нормы теряют свое значение, как бы приобретают безжизненный, в известной мере лишь виртуальный характер. Но при этом надо помнить, что сами процессуальные действия должны проводиться в строгом соответствии с нормами процессуального закона. Сказанное относится и к результатам оперативно-розыскной деятельности (ст. 89 УПК РФ). Например, результаты досмотра, обыска и некоторых иных процессуальных действий, при всей их очевидности и наглядности для представителей органов, осуществляющих борьбу с преступностью, не могут быть признаны доказательствами, если они проведены без участия понятых.

Приведем один из характерных примеров из судебной практики. Так, апелляционным определением Ленинского районного суда г. Махачкалы от 8 апреля 2015 отменен приговор мирового судьи судебного участка № 96 от 9 февраля 2015 года. Причиной отмены явился тот факт, что судьей при вынесении приговора приняты во внимание показания потерпевшего, данные им в отсутствие защитника, присутствие которого при даче показаний согласно закону было обязательным. В этой связи на основании ч. 1 ст. 75 УПК РФ, согласно которому доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, приговор был отменен.

Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Из ордера адвоката усматривалось, что ордер выписан от 26.11.2014 г., тогда как потерпевший А.М.-С. Гасанов, согласно протоколу допроса подозреваемого, допрошен 25.11.2014 г., т.е. в отсутствие защитника [11].

Такая категоричность и строгость требований соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства, очевидно, вызваны повышенной социальной опасностью и крайней обеспокоенностью властных структур возможностью существенного нарушения основных прав и свобод граждан при привлечении их к уголовной ответственности, реализации которых гарантирована Конституцией Российской Федерации.

Перейдем к рассмотрению одного из центральных вопросов уголовного процесса, от которого во многом зависит исход уголовного дела – процессу доказывания, исследуя его с точки зрения обеспечения состязательности и равенства сторон уголовного процесса.

Доказыванию в уголовном процессе посвящена глава 11 УПК РФ. В соответствии со ст. 85 УПК РФ доказывание включает собирание, проверку и оценку доказательств в целях установления факта совершения преступления и совершившего его лица, а также других обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ.

Собирание доказательств, в соответствии со ст. 86 УПК РФ, осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных действий, предусмотренных УПК РФ.

Если в части собирания доказательств дознавателем, следователем и прокурором не возникает вопросов, то включение законодателем в этот перечень суда, который, как указано в ст. 6 УПК РФ, не является органом уголовного преследования, вызвало определенные сомнения в конституционности данной нормы. Причем определенность указанной нормы подвергалась сомнениям не только представителями науки уголовного процесса, но и отдельными правоприменительными органами. В этой связи Бокситогорский городской суд Ленинградской области обратился с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) на предмет проверки конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В своем решении КС РФ разъяснил конституционно-правовой смысл оспариваемой нормы. Он отметил, что «в соответствии с законом в ходе судебного следствия устанавливаются не только обстоятельства, подтверждающие доказанность обвинения, но также и обстоятельства, смягчающие вину подсудимого или оправдывающего его, а равно иные обстоятельства, необходимые для справедливого и беспристрастного разрешения уголовного дела по существу. Следовательно, собирание доказательств не только является прерогативой стороны, но и входит в число полномочий суда, реализуемых в ходе судебного следствия» [12]. Таким образом, КС РФ пришел к выводу об отсутствии неопределенности в положении, предусмотренном ч. 1 ст. 86 УПК РФ.

Если КС РФ помог разобраться с конституционно-правовым смыслом положения ч. 1 ст. 86 УПК РФ, то содержание двух последующих частей ст. 86 УПК вызывает ряд вопросов, на которые мы не находим ответа, в том числе и в самом уголовно-процессуальном законе. Более того, эти положения не согласуются с отдельными нормами УПК РФ, тем самым порождая неопределенность и противоречивость уголовно-процессуального законодательства.

Так, в ст. 5 УПК РФ среди основных понятий, используемых в уголовно-процессуальном кодексе, исчерпывающе названы стороны – участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения (п. 45).

В пункте 46 названа *сторона защиты* – обвиняемый, а также его законный представитель, защитник, гражданский ответчик, его законный представитель, и представитель.

В пункте 47 названа *сторона обвинения* – прокурор, а также следователь, начальник следствен-

ного отдела, дознаватель частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель. Полагаем, вполне очевидно, что в этой норме законодатель упустил из виду и не указал законного представителя гражданского истца.

При таком обстоятельном определении сторон в уголовном процессе, содержащихся в приведенных пунктах ст. 5 УПК РФ, законодатель в ч. 2 ст. 86 УПК РФ почему-то не указал таких участников уголовного процесса, как законный представитель подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, законный представитель гражданского ответчика, частный обвинитель. Более того, законодатель предусмотрел стороны обвинения и защиты в одной правовой норме, что, представляется, не вполне юридически корректно и оправданно.

Названные в ч. 2 ст. 86 УПК РФ лица наделены правом собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Однако остается неурегулированным вопрос относительно порядка собирания доказательств и порядка их представления органу предварительного расследования и суду.

Согласно ст. 74 УПК РФ доказательством по уголовному делу являются любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь, и дознаватель в порядке, определяемом УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В качестве доказательств допускаются, согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ, показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, заключение и показания специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы.

Как видим, и здесь среди допустимых доказательств не названы письменные документы и предметы, представленные лицами, указанными в ч. 2 ст. 86 УПК РФ. Кроме того, как уже было отмечено, проблемным в законе остается вопрос относительно определения процедуры собирания и предъявления письменных документов и предметов. Поскольку все действия по собиранию доказательств должны быть выполнены в строго определенной законом форме, то доказательства, полученные в нарушение требований УПК РФ, признаются недопустимыми доказательствами и не могут быть положены в основу обвинения. Так, КС РФ в Определении от 4 марта 2004 года № 145-0 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.В. Проня, который просил приобщить к материалам уголовного дела в качестве доказательства экспертное заключение, полученное по инициативе обвиняемого, а не по постановлению органа предварительного следствия, выразил правовую позицию следующего содержания.

Прежде всего, КС РФ отметил, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45 часть 3), судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123 часть 3).

Однако, обратил внимание КС РФ, из этих конституционных положений не следует возможность выбора обвиняемым по своему усмотрению любых способов и процедур защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства определяются, исходя из Конституции Российской Федерации Федеральным законом. Применительно к оспариваемым нормам уголовно-процессуального законодательства КС РФ указал, что порядок назначения и проведения судебной экспертизы, закрепленный Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (статьи 195–207 и 283) и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (статьи 19–25), предполагает, что основанием для производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении является не заявление обвиняемого или его защитника, а постановление органа дознания, предварительного следствия, прокурора или суда.

Таким образом, Конституционный Суд не оставил сомнений в недопустимости иных доказательств, кроме тех, которые собраны законным путем. Причем это относится не только к порядку собирания доказательств, но и к составлению формы процессуального документа, на которые официальные органы должны соответствующим образом реагировать [13].

Следовательно, напрашивается вывод о том, что не подкрепленное иными нормами уголовно-процессуального закона положение ч. 2 ст. 86 УПК РФ практически носит декларативный характер.

Таким же, т.е. не до конца урегулированным, является и положение, предусмотренное ч. 3 ст. 86 УПК РФ, наделяющее защитника правом сбора доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, правом истребования справок, характеристик и иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

На наш взгляд, эти права недостаточно эффективны в силу того, что они не подкреплены иными процессуальными нормами, которые бы закрепили порядок собирания доказательств по уголовному делу, поскольку по смыслу приведенного определения КС РФ любые доказательства можно признать недопустимыми, если они получены в нарушение порядка собирания доказательств, определенных нормами УПК РФ.

В настоящее время признание представленного стороной защиты предмета доказательством, введение его в дело, т.е. включение в систему уже собранных доказательств является исключительной прерогативой органа расследования, прокурора и суда. Принятие решения о приобщении предмета или закрепления доказательства, завершающий момент формирования доказательственной базы. Пока такое решение не принято, доказательства практически не существует. Оно еще "не собрано", не сформулировано. В этой связи нельзя не согласиться с тем, что положение ч. 3 ст. 86 УПК РФ является всего лишь

«мифическим правом собирания защитником доказательств» [6, с. 56].

Сегодня предпринимаются определенные попытки изменения существующего порядка вещей относительно повышения роли адвоката в уголовном процессе. В частности, законопроект о внесении изменений в статью 6.1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предполагает сократить срок ответа органов государственной власти и местного самоуправления, а также общественных объединений и иных организаций, которым направлен адвокатский запрос, с 30 до 15 дней.

Существующий тридцатидневный срок представления ответа на адвокатский запрос с возможным продлением еще на тридцать дней делает его бессмысленным и исключает его особенность, поскольку ст. 12 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» устанавливает аналогичные сроки для рассмотрения обращения рядового гражданина, не наделенного статусом адвоката.

Тридцатидневный срок ответа на адвокатский запрос существенно нарушает принцип равноправия сторон при сборе доказательств. Так, сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации при проверке сообщения о преступлении в некоторых случаях ответ должен быть дан незамедлительно. Если прокуроры проверяют исполнение законов, то запрашиваемую информацию они могут получить в течение двух дней. Так же обстоят дела с иными правоохранительными органами и даже со СМИ. В этой связи, как представляется, сокращение срока для ответа на адвокатский запрос повысило бы оперативность собирания защитником необходимых сведений и, в конечном итоге, обеспечило бы более эффектив-

ную реализацию конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь. Кроме того, считаем необходимым усилить ответственность должностных лиц за неправомерный отказ в предоставлении информации.

В контексте всего изложенного полагаем, что российское уголовно-процессуальное законодательство нуждается в существенной корректировке в плане достижения реального равенства сторон уголовного судопроизводства – начиная со стадии возбуждения уголовного дела и собирания доказательств в ходе проведения предварительного расследования до их оценки беспристрастным судом. Такое изменение норм УПК РФ может стать надежной правовой гарантией обеспечения конституционного принципа состязательности сторон уголовного судопроизводства. Неравенство сторон на начальной стадии, на стадии предварительного расследования делает равенство прав участников на стадии судебного разбирательства практически бессмысленным, поскольку в суде встречаются хорошо подготовленный, технически оснащенный обвинитель и безоружный защитник.

Для обеспечения реального равноправия участников уголовного судопроизводства, на наш взгляд, ч. 1 ст. 86 УПК РФ следует дополнить словом «адвокат», изложив ее следующим образом: «собирающие доказательства осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, прокурором, следователем, адвокатом и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом».

Следовало бы задуматься и о том, каким образом и в какой форме адвокат может участвовать и в производстве проверки доказательств.

Литература

1. Определение КС РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-О по жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под общ. ред. Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. М.: СПАРК, 2000.
3. Адвокатура в Российской Федерации / под ред. Л.А. Стешенко, Т.М. Шамба. М.: НОРМА, 2005.
4. Морщакова Т.Г. Судебная реформа (сборник обзоров). М., 1990.
5. Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Изд-во "Альфа", 2001.
6. Радутная Н.В. Современное уголовное судопроизводство и его влияние на правовые воззрения юристов // Российское правосудие. 2006. № 4.
7. <http://www.rbc.ru/politics/18/04/2016/5713912c9a7947394188ca9c> (дата обращения: 02.11.2017).
8. Ваше право. 2007. № 3. С. 19.
9. Бойков А.Д. Третья власть в России. М., 1997.
10. Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. М., 2010.
11. Архивные материалы Ленинского районного суда г. Махачкалы за 2015 год.
12. Определение КС РФ от 6 марта 2003 года № 104-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Определение КС РФ от 4 марта 2004 года № 145-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Проня Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Opredelenie ot 4 noyabrya 2004 g. № 430-O po zhalobe grazhdanki Starovoitovoi Ol'gi Vasil'evny na narushenie ee konstitutsionnykh prav punktom 1 chasti vtoroi stat'i 42, chast'yu vos'moi stat'i 162 i chast'yu vtoroi stat'i 198 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Nauchno-prakticheskii kommentarii k UPK RSFSR / pod obshch. red. Predsedatelya Verkhovnogo Suda RF V.M. Lebedeva. M.: SPARK, 2000.
3. Advokatura v Rossiiskoi Federatsii / pod red. L.A. Steshenko, T.M. Shamba. M.: NORMA, 2005.
4. Morshchakova T.G. Sudebnaya reforma (sbornik obzorov). M., 1990.
5. Smirnov A.V. Sostyazatel'nyi protsess. SPb.: Izd-vo "Al'fa", 2001.
6. Radutnaya N.V. Sovremennoe ugolovnoe sudoproizvodstvo i ego vliyanie na pravovye vozzreniya yuristov // Rossiiskoe pravosudie. 2006. № 4.
7. <http://www.rbc.ru/politics/18/04/2016/5713912c9a7947394188ca9c> (data obrashcheniya: 02.11.2017).
8. Vashe pravo. 2007. № 3. S. 19.
9. Boikov A.D. Tret'ya vlast' v Rossii. M., 1997.
10. Vasyaev A.A. Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi v khode sudebnogo sledstviya v sude pervoi instantsii v rossiiskom ugolovnom protsesse. M., 2010.
11. Arkhivnye materialy Leninskogo raionnogo suda g. Makhachkaly za 2015 god.
12. Opredelenie KS RF ot 6 marta 2003 goda № 104-O ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Boksitogorskogo gorodskogo suda Leningradskoi oblasti o proverke konstitutsionnosti chasti pervoi stat'i 86 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii». Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus».
13. Opredelenie KS RF ot 4 marta 2004 goda № 145-0 ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Pronya Aleksandra Viktorovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 4 chasti chetvertoi stat'i 47, punktom 2 chasti pervoi stat'i 53, stat'yami 74, 85 i 86 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus».

*Поступила в редакцию 4 ноября 2017 г.
Received 4 November, 2017*